

Слушала и слушала бы Аркадия Евгеньевича, но он смотрел на часы. А когда ушел, осталось со мной сожаление о том, что все происходит, что всему свое время. Интервью не получилось. Моему собеседнику было тесно в рамках стандартного вопросно-ответного разговора, и он без особого труда сломал predeterminedный было курс беседы на заданную тему. Разговор плескался от берега к берегу, доладал в круговорот проблем современного театра, возвращался в русло воспоминаний. Не проявляя ни малейшей заботы о том, чтобы беседа вылилась в материал для газеты, Аркадий Евгеньевич из желания все-таки помочь мне обнадеживающе сказал:

— Думаю, из всего, о чем говорили, выберете что-нибудь интересное.

Перечитывая отрывочные, беспорядочные, как на зло такие краткие записи в блокноте, думала: никто лучше самого Аркадия Евгеньевича Гашинского не расскажет о его богатой, нелегкой и красивой жизни. Интересным мне в ней видится все. Вот юный студент Московского ГИТИСа в составе театрально-концертной бригады 1-го Украинского фронта выступает перед солдатами, говорит с ними сердцем к сердцу. На него смотрит множество глаз, в которых вся Россия, многострадальная и живучая, его теплая, измученная войной Родина. И чего только ни делал будущий артист для того, чтобы горели эти глаза верой в победу, ненавистью к фашистам — пел, плясал, читал монологи. И был счастливым, даря этим самым первым и самым благодарным зрителям веру и радость.

Еще одна страничка в блокноте. Война. Стужа. Студент ГИТИСа — отец. Это ли не праздник! Родился сын! Только вот беда — во что завернуть эту радость? Богат пока будущий артист только душой. Озадачен весь курс. Сам Мокульский разрешил проблему.

— Молодой человек, вам хватит этой кулисы? — сказал кумир и учитель театральной молодежи, указывая на пушистое байковое полотно на сцене.

И это было под стать счастью, как благословение и напутствие маленькому Жене и его юному отцу. Но жизнь состояла не только из радостей. И даже совсем не из радостей. Дорога на Олимп народного артиста страны была прямой,

но совсем не гладкой. Как говорит сам Аркадий Евгеньевич, он долго (не в пример нынешней театральной молодежи) сидел на нуле. Были и безденежье, и крушение надежд. Как только освободили Киев от фашистов, 23 выпускника столичного института театрального искусства приехали сюда с мыслью работать, создать театр единомышленников. И создали такой молодежный театр. Он был замешан на са-

мую актерскую значимость, талант.

Еще одна беглая заметка — «Макар Дубрава». Актерские биографии часто рассказывают о так называемых счастливых случаях на тему о заболевшем премьер, вдруг открывшем таким образом путь новому таланту. Более или менее значительную роль в пьесе «Макар Дубрава» Гашинский получил примерно так. Но было в этой случайности нечто законо-

мальной, незаметной старался найти человеческое оправдание.

Мы имели возможность убедиться в этом, увидев Аркадия Евгеньевича в «Ярославе Мудром», и в эпизодической, немногословной роли военного лекаря в спектакле «Для домашнего очага». Диапазон актерских работ Гашинского настолько широк, что вопрос об амплуа применительно к нему отпадает сам собой. Считаю

Гастроли Киевского театра имени Ивана Франко

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА — САМООТДАЧА

мом ценном материале: вере, таланте, энтузиазме.

— Это был дом, и в нем было очень чисто, — рассказывает Аркадий Евгеньевич.

Поставили несколько пьес и даже чеховскую «Чайку», в которой Аркадий Евгеньевич играл Дорна. Это был первый год после войны. Хлеб был в большей цене, чем зрелища. Театр энтузиастов прекратил свою жизнь, как выражается Аркадий Евгеньевич, на самом скаку. С тех трудных послевоенных лет жизнь театра имени Ивана Франко стала жизнью Аркадия Гашинского.

— Надо быть патриотом того места, где живешь, где ешь хлеб, отдай ему все свое богатство, все, что есть за душой и в голове. Надо самому вместе с другими обжить театр, сделать его своим, единственным, неповторимым домом, — читая записи, слышу могучий, усиленный мыслью, вольный голос артиста.

А ведь это совсем нелегко видеть дом там, где тебе очень долго приходится быть незаметным постояльцем. Гашинский пережил и это. Его актерский нуль продолжался, казалось, нестерпимо долго. Был актером на выходах, в массовых сценах. И это при том, что в институте его признали и однокурсники, и преподаватели. И не просто признали, а видели в нем недоюж-

мерное, то вознаграждение за терпение, веру, труд, которое дарит себе прежде всего сам человек. Но, как это нередко бывает в жизни, радость и печаль живут рядом, а иной раз состоят в тесном родстве. Наконец-то была приличная роль, но за ней последовала вовсе не такая отрадная рецензия.

Аркадий Евгеньевич говорит, что ему везет на людей, что доброй долей того, что имеет, обязан своим талантливым старшим собратям по искусству. Тогда, после «Макара Дубравы», его вывели от разбедующего душу сомнения Гнат Петрович Юра.

— Это из-за дурацкой писанины? Да будут еще такие рецензии, что детям будешь читать...

Но робость словно сковала Гашинского. И когда он, напутствуемый Гнатом Петровичем, набрался смелости и по ходу мизансцены обнял Макара Дубраву — Бучму «так, что кости затрещали», Гнат Петрович обрадовался, как капитан, наконец-то увидевший долгожданный берег:

— Да ты же умеешь! Да ты же можешь! Да ты же живой человек!

Потом были роли. Много ролей. Артист шел к высоте. В моем блокноте мелькают названия пьес, имена персонажей.

— Никогда ни от какой роли не отказывался. Даже самой

себя актером характерным, Гашинский с блеском играет роли героического и острокомедийного плана.

И вот эта пометка в блокноте. Аспасия Папатамассиу. Гашинский играл с современной греческой Электрой в «Антигоне». Жаль, что не довелось увидеть этого прекрасного и неповторимого дуэта. Аспасия Папатамассиу, которой поистине «одна лишь пища — дух свободный», маленькая, хрупкая, чей божественный голос окреп в чтении сводок Информбюро борющейся Греции, быть ее партнером — мечта многих великих артистов мира. Аркадию Евгеньевичу Гашинскому эта мечта улыбнулась. Нет, не случайно. Это тоже награда. Еще одна.

Коллеги народного артиста СССР Гашинского, его многочисленные партнеры, сыгравшие вместе с ним в театре имени Ивана Франко множество спектаклей, говорят, что, пожалуй, наиболее яркая черта артиста Гашинского — всегда, во всех своих работах говорить людям правду, которая «всех старших старше в мире». И мы убедились в этом, знакомясь с гастрольным репертуаром театра имени Ивана Франко, где Гашинский занят почти в каждом спектакле. И в каждом спектакле он несет людям правду то ли устами мудрого патриота Ярослава, для которого «раньше закон, потом

благодать», то ли в образе демагога и приспособленца Деифоба в «Кассандре», отважного только словом, для которого ничего нет дороже, чем личная благодать, благосклонность старшего брата Гелена, хоть у него «одно око и то с бельмом».

И если образ Ярослава Мудрого для А. Е. Гашинского — возможность передать зрительному залу свою собственную взволнованность славной историей Родины, восхищение личностью Ярослава-патриота, человека недоюжного ума и благородства, то своим Деифобом Гашинский как бы хочет предупредить, защитить людей, сидящих в зрительном зале от демагогии современных Деифобов, которые согласны жить в мире сладких иллюзий, говорить только то, что полезно или что достойно. И сколько знакомых черточек, подсмотренных в жизни, видим мы в Деифобе — Гашинском. Вот он бросает пренебрежительно, не глядя, как стаду: «Молчите, люди! Не вам судить...» и продолжает, заискивая перед сильным так, что даже чувствуется внутренний прогиб: «Скажи, Гелен, убить его или отпустить на волю?» А вот в глазах Деифоба — Гашинского страх перед истиной и кажется, что он готов бежать: «Довольно этих темных, страшных слов, что придавили всех, как дымной тучей». А голос! Как им надо владеть! От шепота, который мыслит вслух, до почти звериного рыка. И необыкновенная пластичность, скульптурная законченность каждого, казалось бы самого незначительного движения.

Одним из главных компонентов творчества Аркадия Евгеньевича считает зрительный зал. В соприкосновении душ, — говорит он, — рождается творение дорогое, неповторимое. И нередко Гашинский со своими мыслями обращается прямо в зал. И это не любовное решение образа, а призыв страстный, пламенный, призыв разделить точку зрения, и тогда актер становится трибуном, как это было в «Ярославе Мудром», и зовет он к чистой, светлой жизни на благо Родины, зовет не жалея себя, ибо нет для Гашинского ни полуправды, ни получастья. Все с полной отдачей.

В довольно емком разговоре в редакции шла речь и о так называемой проблеме интеллектуального актера. Гашинский не согласен с самой формулировкой.

— Актер всегда, во всем должен нести интеллект. А вот проблема интеллектуального зрителя существует. И о ней следует помнить, если хочешь быть интересным современному зрителю, если есть у тебя что сказать ему.

Аркадий Евгеньевич считает, что темперамент и интеллект не исключают, а взаимобогащают друг друга. Нельзя взволновать другого, не взволновав себя. Что же касается современности в театре, так она не в форме, а в сути, не в интерьерах и условности декораций, а в мыслях, с которыми идет актер к зрителям.

Говорит обо всем Гашинский взволнованно. И нет на его лице премьерской улыбки и холдной уверенности в себе. Я слушаю мастерового, который не может без работы, который, как бедняк, сверх меры «платит ей пожизненную плату нехваткой дня, усталостью, морщинами...», но не хочет, не может создавать свои творения, не отдав им всего себя. Франковцы рассказывают, что Гашинский всегда приходит на спектакли пораньше, а потом долго не может расстаться с печалью, радостями, волнениями, которыми жил на сцене, что он может отправиться за тридевять земель за тем, чтобы лучше понять своего героя и сделать свою работу еще правдивее и искреннее, долго и мучительно искать, чтобы искал и находил вместе с ним зритель. Так работали и работают его учителя и кумиры Мокульский, Тарханов, Грибов, Качалов...

Так стремится работать и он — народный артист СССР Аркадий Евгеньевич Гашинский, для которого «цель творчества — самоотдача». А не шумаха, не успех.

А. ВИНОГРАДОВА.

На снимке: А. Е. Гашинский. Фото И. Кальницкого.